

«ЕСТЬ ТА ПРАВДА, ЧТО ТЯГОСТНЕЙ ЛЖИ...»

Екатерина Фёдоровна Курдакова родилась в городе Бузулуке Оренбургской области. Окончила гидромелиоративный техникум. Работала техником-конструктором на заводе тяжёлого машиностроения, на заводе художественных изделий «Оютас», с 1983 года трудится художником-реставратором в Восточно-Казахстанском областном архитектурно-этнографическом и природно-ландшафтном музее-заповеднике. Живёт в Усть-Каменогорске.

Бузулук шестидесятых годов, родной город моего детства — он ещё не поделён на микрорайоны, его облик ещё во многом сохранился, он деревянный, резной, с редкими вкраплениями прекрасной каменной архитектуры прошлого — конца XIX — начала XX веков. Ещё широка и глубока Самарка, и вольно ей разливаться во время половодья, заливая ближние дома и подворья. Ещё Красноармейская улица выложена булыжником, и некоторые каменные строения очень напоминают старинные купеческие особняки, лавки и амбары с широкими дверями, пересечёнными наискось тяжёлыми коваными накладками с громадными замками. Ещё в центре города существует городской парк с высокими старыми клёнами, с цветниками, со скамейками на аллеях. А через дорогу, в старинных зданиях с большими витринными окнами — промтоварные и продуктовые магазины. Навек

задумавшаяся, многое видевшая, красивой кладки, красная водонапорная башня, напротив — приземистый кинотеатр «Победа». Будучи в детском возрасте, выходя из кинотеатра, я вглядывалась в верхние окна прекрасной башни, надеясь увидеть печальную деву, ожидающую своего освободителя, — возможно, принца и даже, возможно, на белом коне.

Пушкинский парк посещался горожанами во все времена года: летом по аллеям гуляли отдыхающие с детишками, продавалось мороженое из ёмкостей, погружённых в колотый лёд, работал летний театр, а в вечерние часы на танцплощадках играла музыка и развлекалась молодёжь. Зимой парковые аллеи заливались и служили катком. В сумерках, по освещённым цветными лампочками аллеям, под звуки музыки так хорошо было нарезать круги, догонять и перегонять скользящие впереди пары, ощущать и верить в свою вечную молодость. Всё это в моей памяти.

Эх, пройти бы по улицам с Петром Степановичем Филатовым (преподавателем эстетики ГПУ-4), великим знатоком-краеведом моего города. Никуда не торопясь, услышать его интеллигентный спокойный голос, неспешный, а иногда волнующийся рассказ, когда темой разговора становился А.С. Пушкин или Л.Н. Толстой. Пётр Степанович верил, что осенью 1833 года Александр Сергеевич Пушкин

по дороге на Оренбург проехал мимо Бузулука, а возможно, и проехал по окраине тогда ещё ничем не примечательной крепости (у него много последователей этого исторического, пока не доказанного факта). И представляю я, как Александр Сергеевич в шаткой дорожной коляске медленно спустился с Сухореченской горы, вдохнул сухой пыльный воздух моей родины. Вышел из коляски, запоминая, оглядел не очень впечатляющий пейзаж: глинистые холмы, поросшие достаточно густым лесом, набирающим жёлто-красные осенние краски, со спокойно текущей рекой невдалеке. Тишину нарушил внезапно налетевший ветерок, принёсший издали лай собаки, и поднявшаяся пыль змейкой побежала по дороге. Александр Сергеевич снял и отряхнул шляпу от пыли, пышно лежавшей на разбитой просёлочной дороге и докучавшей всем проезжающим, и волосы, примятые шляпой, распрямились, блеснули рыжинкой; встряхнул запылённый мягкий сюртук и с недовольной гримасой устало отёр лицо носовым платком.

Своим возможным кратковременным проездом мимо Бузулука поэт дал нам право гордиться некой символической причастностью к его жизни.

Усилиями Петра Степановича появились памятники этим великим писателям. А ведь он мог бы рассказать о прошлом города не

только устно... И книга была бы не сухим перечислением исторических фактов и событий, а живой и яркой иллюстрацией истории Бузулука.

В повседневной говорливой толпе горожан того времени можно было увидеть довольно странную женщину средних лет, выделяющуюся не только нелепой старушечьей одеждой, но и поведением. Это Людмила Дмитриевна Горская. Высокая, худая, с нездоровым землистым цветом лица. Крупный нос, чёрные родинки, небольшие карие глаза в очках с круглыми линзами, с переломанными и обмотанными нитками дужками, сцепленными на затылке резинкой. Жидкие тёмные волосы гладко и туго заплетены и уложены в «корзиночку», то есть крест-накрест. В косички заплетены не совсем чистые цветные бечёвки. Тонкие ноги в коричневых хлопчатобумажных чулках. Она могла запросто, откинув подол, их подтянуть, обнажив круглые, узкие резинки-подтяжки. Голова Горской гордо откинута назад, несколько высокомерный взгляд, в зубах беломорина. При этом она зорко смотрит по сторонам; не дай Бог кому засмеяться — обидчик получит в полной мере невиданной и неслыханной доселе отборной брани. В руках Горской всегда сумка, в которой книги, рукописи её стихов, ноты и таблетки от головной боли. Людмила Дмитриевна в детстве

переболела менингитом и была инвалидом второй группы. Её нездоровье выдавал внешний вид, шатающаяся неровная походка, да и манеры поведения... Мне приходилось видеть её на улице говорящей, жестикулирующей и громко читающей вслух стихи самой себе. Иногда Людмила Дмитриевна в лёгком подпитии, находясь в хорошем настроении, могла себе позволить пообщаться с людьми в очереди магазина или на автобусной остановке. Искромётный юмор (а может быть, и сатира одновременно) не оставлял слушателей равнодушными, ведь кто-то смеялся до слёз, а кому-то, задетому за живое, было очень больно. И всё это так, походя, по настроению.

Горская была острой на язык, и в рамки обычных приличий её никак не подогнать, да и не нужно! Она Поэт, уникальная личность, ей многое позволено, да по-другому жить она и не смогла бы! Да и где это видано, чтобы, когда мы погладим поэта, он оказался гладким, а в общении ещё и покладистым! И как понять до конца этих людей, ведь зачастую они говорят одно, думают другое, пишут третье, а что действительно у них на уме — знают только они сами.

Интересно, всегда и везде, во все времена называли её уважительно: Людмила Дмитриевна или Горская, и никаких кличек за спиной — и это о чём-то говорит.

«Мало кто знал о бытовой стороне её жизни. Людмила Дмитриевна была изгоем, человеком с надломленной психикой и странностями поведения. Полубездомная, она постоянно жила у каких-то сердобольных старушек. На Руси таких, как Горская, когда-то называли юродивыми, людьми не от мира сего. И если статус юродивого был всё-таки когда-то, как говорят, социально востребованным, даже необходим обществом, то в наше регламентированное время это были люди, начисто отторженные от жизни, они совершенно не помещались в социальный суррогат установленного порядка, обустроенный межеумочной политикой, – и попросту погибали, непонятые, непризнанные, невостребованные...»

(Е. Курдаков. Дождь золотой. Бузулук, 2002)

К быту, в житейском понимании, Людмила Дмитриевна была совершенно не приспособлена и нуждалась, по-видимому, в постоянной опеке. И находились милостивые люди – соседи, знакомые, помогающие ей. Частенько её видели в красивых платьях и в приличной, по сезону, обуви. Но даже в такой одежде она была странна: платья как-то не сидели, и видно было, что они с чужого плеча, и походка в туфлях на каблуках неровна. Через некоторое время хорошие вещи куда-то пропадали, и всё становилось прежним.

Много лет опекал Горскую П.С. Филатов. Помогал, старался облегчить и сохранить её жизнь: по слухам, выбил, выходил по кабинетам городского начальства жильё – комнату – и какое-то время добывал талоны на пропитание, прикрепляя, возможно, к столовой профтехучилища, где работал сам. Ему же мы обязаны собранным и скомплектованным архивом Людмилы Дмитриевны, где имеются её детские рисунки, дневниковые записи и, конечно же, стихи. В архиве есть интересный документ: протокол заседания бузулукского литобъединения и решение помочь Людмиле Дмитриевне материально, а также устроить её в больницу на обследование и возможное лечение. По этим материалам работал и написал прекрасный очерк «Варшавская осень Людмилы Горской» писатель-краевед, член Союза писателей России Иван Глебович Коннов.

Я не знаю и ни от кого не слышала о семье Людмилы Дмитриевны, её родственниках. Ведь не в каждой семье дети ведут дневники, наверное, был какой-то особый уклад, душевный климат, способствующий зарождению такой личности. Что же случилось, почему девочка оказалась одна, совершенно не приспособленной к тяготам взрослой жизни?

Горская была талантлива: музыкальна от природы, писала стихи. Говорили, что, ещё

будучи ребёнком, она заходила в музыкальную школу, где от учителей в свободное от уроков время получила первые профессиональные навыки игры на пианино, а остальное — её большое желание и труд. Играла она везде, где только встречала инструмент. По-видимому, и в дом Курдаковых она вначале приходила поиграть на пианино.

Моё первое знакомство (заочное, в детстве) и дальнейшее общение с Горской произошло в доме Курдаковых после моего замужества с Евгением Курдаковым и продлилось недолго — до отъезда нашей молодой семьи в Усть-Каменогорск. Нас, вернувшихся из ЗАГСа, встретила Горская с хлебом-солью (булка высокого круглого хлеба за 26 копеек из ближнего киоска и домашняя солонка сверху), и это было приятной неожиданностью. Был будний день, все на работе, и своё бракосочетание мы не афишировали. Мало того, она одарила меня парфюмерным набором «Белая сирень». В наборе были флакончики духов и одеколна Ленинградской парфюмерной фабрики. Коробочка была достаточно замызгана и перевязана такой же нечистой ленточкой. Помню необыкновенный запах духов, именно белой сирени. Самое интересное, что коробочка была не вскрыта и флакончики опечатаны.

Людмила Дмитриевна ничем не дорожила, кроме книг и нот, к вещам не привязывалась. Ча-

стенько её одаривали жёны городских начальников, возможно, боясь злого, острого и циничного языка Горской, но эти презенты тут же передаривались друзьям. Она была вхожа в кабинеты городских начальников и партийной верхушки, чтобы в острой, беспощадной и выразительной форме высказать своё мнение об их недостатках в работе. Её не могли остановить строгие и чопорные секретарши в приёмных. Людмила Дмитриевна их просто отодвигала, как стоявший в проходе мешающий стул. Критика начальства была удивительно актуальна и своевременна, а иногда сопровождалась едкой эпитаграммой, которая непостижимым образом распространялась по городу.

Иногда приход Людмилы Дмитриевны в наш дом совпал с получением её пенсии. И тогда она была загадочно молчалива и торжественна. В её сумке вместе с обычным содержимым был полный джентльменский набор: шампанское, коробка шоколадных конфет и сыр. Вся эта роскошь щедрой рукой выставлялась на стол. Пир длился безостановочно дня три, пока не кончалась пенсия. Но какой это был пир! Начинался он с шампанского под декламацию стихов Людмилы Дмитриевны, хозяев и пришедших на огонёк друзей. Чтение сопровождалось игрой на пианино — обязательно Шопен или Чайковский. При этом Горская раскачивалась на стуле,

голова вдохновенно откинута
назад с блуждающей улыбкой и
прилипшей в углу рта папиро-
сой...

Трезвой Горская была мол-
чалива и неинтересна. Зато в
подпитии — водопад остроумия, всех
городских слухов и сплетен и,
конечно же, стихов: своих и чу-
жих. Несмотря на болезнь, она
обладала хорошей памятью, от-
менным художественным вкусом
и на всё имела своё мнение, за-
частую отличавшееся от других.
Людмила Дмитриевна писала
стихи, но «почти вся её поэзия
за редким исключением была,
собственно, иллюстрациями её
музыкальных привязанностей.
Стихи у неё были гимназически
правильные, хорошо темпериро-
ванные и законченные, так как
и здесь она тяготела к хорошо
проверенным классическим фор-
мам». Сохранились стихи Л.
Горской, посвящённые Евгению
Курдакову.

*Дорогому названому брату
с пожеланием успехов в ис-
крепней поэтической исповеди
о нашем общем Учителе! Це-
люю. Люда. 67 г.*

Александр Пушкин

С безмерной любовью
и нежностью девичьей
Признательна я Александру
Сергеевичу:
Он учит меня терпеливо
секретам
Труда, вдохновенья, талантам
поэта.

Мне с Пушкиным радостней
праздников будни!
В работе над словом и чуткой,
и трудной.
И в форме стиха, схожей
с рамкою узкой,
Звучит дорогой нам
с младенчества — русский.

Так в счастье и горести полно,
красиво,
Что вправе завидуют вечно
России,
В эпоху засилья Свободы
и Света
Такого, как Пушкин, родившей
поэта!

*«В лито её никогда не воспри-
нимали всерьёз, вечно от неё
отмахивались, чаще просто не-
скрывается третировали. И как
же все были удивлены, когда
она получила премию Польской
республики за стихотворение
«Сердце Шопена», удивились, но
совершенно не изменили к ней
отношения. Это было немыс-
лимо».*

(Е. Курдаков. Дождь золотой.
Бузулук, 2002)

Последняя моя встреча с Гор-
ской произошла в конце авгу-
ста 1968 года в центре города,
на остановке автобуса. Автобус
задерживался, и собралась до-
статочно большая толпа, среди
которой я заметила Людмилу
Дмитриевну. Находясь среди
ожидающих автобус, я, наблю-
дая, размышляла, подойти ли к
ней. Она была в чистом хорошем
платье, в туфлях на шпильке.

На ногах обычные коричневые чулки в резинку, перекрученные и слегка спускающиеся к щиколоткам. В руке, между пальцами, дымится беломорина, голова откинута назад. Видно, что Горская всем, особенно собой, довольна. Изредка отрывая папиросу от губ, стряхивая пепел, она хитро улыбается, оглядывая стоящих рядом людей, пощёлкивает языком, встряхивает головой, привлекая к себе внимание. Ей хочется пообщаться, но тема пока не найдена. Подошёл автобус, конечно же, переполненный. Толпа ринулась к открытой двери (в те годы следили, чтобы заходили в заднюю дверь, а выходили в переднюю). Людмила Дмитриевна, конечно же, пошла в переднюю дверь, мешая выходящим. Её не очень-то дружелюбно толкали, что-то говорили, видимо, не очень приятное. Уже находясь в автобусе, на задней площадке, стиснутая со всех сторон, я услышала заключительную фразу — ответ на то, что в переднюю дверь входят пассажиры с детьми, инвалиды и беременные, на что Горская гордо ответила, что она уже пять минут как беременна. Автобус дрогнул и покачнулся от дружного хохота пассажиров. За проезд она, конечно же, не заплатила. Кондуктору даже в голову не пришло обилетить её.

Людмила Дмитриевна Горская умерла в сентябре 1968 года. Ей не было и сорока лет — примерно 36-38. Горская не была чужой в семье Курдако-

вых, и мы восприняли её смерть как большое горе, тем более, умерла она скоропостижно. Так случилось, что в день похорон я с восьмимесячной Риточкой уезжала на постоянное жительство в Усть-Каменогорск, где меня ждал муж Евгений Курдаков, выехавший из Бузулука месяц назад. В числе немногочисленных провожающих в последний путь Людмилу Дмитриевну была Люда Курдакова — сестра Жени. От неё мы узнали, что Горская умерла в своей комнате, что на Кузнечной улице. Видимо, она уронила непотушенную папиросу и угорела от тлеющего тряпья, на котором спала. Вскрытие показало, что Людмила Дмитриевна последнее время страдала от водянки головного мозга. Хоронили её, как неимущую и безродную, в строганом некрашеном гробу, застланном старенькими чистыми простынками, которые принесли провожающие сердобольные женщины. Простенький памятник-пирамидку изготовили в цехе завода имени Кирова. На памятнике была указана только дата смерти. Похоронена Людмила Дмитриевна в хорошем месте, недалеко от Всехсвятского храма.

И всё же, такое явление, как судьба Людмилы Дмитриевны Горской, — что это? Почему и спустя полвека память о ней вызывает горечь и сердечное волнение? Может быть, мы остались в долгу перед ней? В моём очерке ответа нет. А у вас?

Весной 2018 года из Старой
Руссы в Бузулук приезжала
Людмила Курдакова с братом
Леонидом, чтобы проведать и
убрать могилу матери Фаины
Ефимовны Тулиной. Также в их
планы входило посещение моги-
лы Людмилы Дмитриевны Гор-
ской. К большому сожалению,
несмотря на длительные поиски,
могилу найти не удалось.

Пятый романс

А.Д. Горской

Что бродило, томясь, и горчило,
и горкло,
Что стучало внутри и просилось
во свет, —
О подруге погибшей, о музыке
горькой,
Только музыкой можно б,
а музыки нет.

Только музыкой можно б
подённо, понотно
Проиграть её жизнь, что успел,
что застиг,
Вот из снежной пыли она входит
бесплотно,
Чтобы клавишей лёгких
коснуться на миг.

Чтобы только на миг
отогревшись под крышей,
Всех на свете навек и простить,
и понять,
И Чайковским бы всех усмирить
и утишить,
И пока б не прогнали, играть
и играть.
И играть, как блуждать
от ночлега к ночлегу,
Сквозь безлюдье толпы,
меж постылых домов,
Так без возраста, дома,
по светлому снегу,
В своём тёмном пальто, с сумкой
нот и стихов.

Вот уходит, уходит сквозь
снежные игры,
В белых игрищах ветра
туманится след,
Словно Пятый романс
до беззвучья заигран,
Этот след её снежный запет
и ответ...

Только музыкой тихой об этом
пристало б,
О душе одинокой, сгоревшей
в снегах,
Распылённой на всех миллионном
кристаллов
В холодеющий тлен,
в полыхающий прах.

(Евгений Курдаков)